

ИДЕЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В последние лет тридцать в мировой литературе существуют два разных отношения к истории. При появлении исторического романа В.Скотту, его создателю, было возможно исследовать тайные пружины исторического процесса, искать его движущие силы и побудительные причины – история была **единым** процессом. После II мировой войны восприятие прошлого меняется. В эпоху постструктурализма и деконструкции прошлое перестает восприниматься как целостное, законченное. В терминологии М.Фуко, история перестает быть «непрерывной». Более того, историография под влиянием этого нового восприятия прошлого превращается в науку о тексте, ведь свидетельства о прошлом доходят до нас в виде текстов. Таким образом, любой текст, содержащий свидетельства о прошлом, уже проинтерпретирован – на нем лежит личность создателя текста и его неизбежная интерпретация прошлого, что делает категорию исторической правдивости невозможной и бессмысленной. Каждый конструирует историю по-своему, выбирая в ней свою нишу, свою тему и свой вариант интерпретации своей доли прошлого – к этому сводится концепция постмодернистского исторического романа или метаромана.

Но продолжает развиваться в западных литературах (немецкой, английской, американской) и традиционный исторический роман, основанный на стремлении автора к передаче, воссозданию истинного хода исторических событий. И для создателя такого романа, а также его исследователя необычайно актуально и сегодня звучит мысль классика философской мысли Запада Робина Коллингвуда, призывавшего не к перечитыванию = интерпретации прошлого, но к его переживанию, т.е. воссозданию на основе вживания в психический опыт прошлого.

Английский философ Робин Коллингвуд, книга которого «Идея истории» за прошедшие после ее написания полвека приобрела репутацию классического

труда в современной философии истории, предмет истории понимает как «науку о *res gestae*, попытку ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом»[1]. Но для настоящего историка мало знать человеческие деяния, важно выявить их мотивировку, те побудительные причины, которые вызвали эти деяния. То есть для истории объектом, подлежащим открытию, оказывается не просто событие, но мысль, им выражаемая. Так Коллингвуд приходит к формулировке своего понимания идеи истории: «Вся история — история мысли»[2]. Историка важно проникнуть в менталитет эпохи, восстановить идею истории, как она осмысливалась людьми изучаемого им периода.

Общеизвестную задачу историка — раскрыть прошлое, оставившее после себя документы, Коллингвуд интерпретирует как задачу «открыть мысль, которая выражена упомянутыми словами. Для того же, чтобы выявить, какова была эта мысль, историк должен продумать ее снова и самостоятельно»[3]. Но ведь исторический объект не дан историка в восприятии, ибо восприятие знакомит его лишь с мертвыми реликтами, которые становятся историческим знанием только после того, как подвергнутся компетентной интерпретации. Как же возродить подлинное прошлое, которое не было бы собственным мышлением историка, выдаваемым за историческую реальность? Для решения этой задачи Коллингвуд создает концепцию «априорного воображения», выражающуюся в проигрывании (*reenactment*) прошлого опыта, т. е. в «переживании заново» того психического содержания, которое заключено в окаменелых остатках прошлого.

Коллингвуд признает, что специфика истории — в парадоксальном слиянии свойств искусства и науки, образующем «нечто третье», т. е. историческое сознание, воссоздающее воображаемую картину прошлого. Его концепция истории есть попытка построить историческую науку по образцу истории духовной культуры — истории искусства. Коллингвуд прямо указывает на то, что у историка и романиста общие задачи, что много общего и в методологии их поиска. Это, в первую очередь, привлекает к нему внимание

современных литературоведов и делает его незаменимой опорой для исследователя исторического романа. Задачи у историка Коллингвуда и у автора исторического романа действительно совпадают: исторический роман призван воссоздать мироощущение, мировосприятие людей прошлого, задачу, на важность решения которой указал известный американский исторический романист Херви Аллен в романе «Битва при Аквиле». «То, что люди чувствовали — вот что будет забыто», приходит к выводу его герой, размышляя о том, как кровавая реальность битв со временем мифологизируется, покрывается романтической дымкой легенды.

Коллингвудовское «проигрывание прошлого опыта» означает ту процедуру, которая лежит в основе психологии создания исторического романа и его читательского восприятия, процедуру «проигрывания» процесса мысли с целью погружения в опыт прошлого и тем самым ее оживления в новом историческом контексте. Теория Коллингвуда, т. о., указывает историческому романисту (и его исследователю) на одну из важнейших задач, требующих своего разрешения, и на метод ее решения.

Анализируя сферу идей исторического романа, мы выделяем два уровня, присутствующих в произведении и являющихся объектом нашего исследования: философию о истории, концепцию истории автора произведения и идею истории, нашедшую в нем отражение. Кроме того, исследуя американский исторический роман XX века, нельзя не рассматривать его соотношения с идеей истории, сформировавшейся в современном массовом сознании. Эти два уровня связаны с разными аспектами исторического романа и по-разному проявляются в его поэтике.

Исторический роман исследует прошлое, помогая лучше понять настоящее и предвидеть будущее. Он ориентирован, разлагается сразу на три оси координат времени. В этом проявляется та дихотомия, к которой приходит Гегель, размышляя о соотношении в структуре исторического романа истории и современности: общечеловеческое содержание и исторический материал как его внешняя форма, внешняя привязанность только к прошлому. Философия

истории автора обеспечивает функционирование исторического романа в историческом настоящем (времени создания романа) и историческом будущем (времени его прочтения). Она, в первую очередь, и составляет его общечеловеческое содержание. Идея истории народа, их осознание исторических событий воскрешаемого прошлого, отраженная в романе, помогает воссоздать эпоху, интеллектуальный тип ее людей. Она является одним из слагаемых «внешней формы» исторического романа и в то же время носителем общечеловеческого содержания, потому что тоже связана с историческим будущим через сходные психологические и интеллектуальные реакции людей на сходные исторические обстоятельства. Философия истории автора находит выражение в историческом романе в пласте авторской речи, а также в представлениях реальной конкретно-чувственной жизни (литература моделирует жизнь)[4]; а идея истории — только в модели изображаемого мира.

Взаимоотношения между историографией и художественной литературой, оставаясь тесными на протяжении почти 200-летнего существования исторического романа, не оставались неизменными. В эпоху зарождения американского исторического романа именно в руках писателей-романтиков историография превратилась в «инструмент художественного исследования общественного и частного бытия человека»[5]. Исторический роман осваивал национальную историю гораздо успешнее, чем современные ему историки Дж. Бэнкрофт, Ф. Паркмен, Дж. Мотли и другие, которые в своих исследованиях опирались на находки и достижения реалистического исторического романа Купера, Джона Нила, Дж. Кеннеди, У. Симмза, Мелилла, шли за историческим романом. Однако философия истории в историческом романе предшествующего столетия была как бы за романом, роман вдохновляя, но сама по себе не являясь объектом исследовательского интереса писателя. В XX веке, в силу сокрушительных изломов истории и ускорения процесса исторического развития, вызвавших незнаемый доселе интерес к истории и к ее движущим силам, философия истории становится предметом исторического романа. Социальные сдвиги и пертурбации обнажают преемственность

исторического процесса, детерминированность настоящего прошлым, его неразрывную связь с ним и соучастие в нем, делают идею преемственности и традиции в истории достоянием общественного сознания. Стремление постичь всеобщие, универсальные законы бытия обуславливает как стойкий интерес к исторической романистике на протяжении всего столетия, так и углубление философского подтекста романов о прошлом, содержащего авторскую интерпретацию исторического процесса и исторического познания. Неслучайно У. А. Бек в своей монументальной библиографии [6], посвященной американскому историческому роману, указывает, что для осмысления прошлого историки постоянно обращаются к исторической романистике. Обращаясь к известным историческим фактам, писатели стремятся воплотить свою идею истории, обусловленную их мировоззрением и историко-идеологической ситуацией в период написания романа.

При этом нельзя не отметить взаимодействие американского исторического романа XX века с идеей истории, как она сложилась в общественном сознании. На важность национальной мифологии для историографии и для менталитета нации указывает один из наиболее известных современных американских историков Макс Лернер в своем универсальном труде «Америка как цивилизация».

В основу его книги положен принцип рассмотрения истории США в сравнении с ее вариантом, сложившимся в массовом сознании. Первые несколько страниц книги представляют краткий обзор истории страны именно в ее устоявшемся «массовом» варианте, состоящий из одних назывных предложений. Вот как, например, Лернер суммирует Гражданскую войну: «Разделение нации на две экономики и на два образа жизни, тирания Короля Хлопка над менталитетом Старого Юга, мечта конфедератов о прообразе Греческой республики, основанной на рабстве, на берегах Залива, тени от цепей рабов, упавшие на душу американцев. Восстания рабов и расправы с обеих сторон, подземная дорога свободы, стук в дверь дождливой ночью; героизм Фредерика Дугласа и Харриет Тубмен, Джон Браун у арсенала в Харперс

Ферри. Дни напряженных дебатов в Сенате, долговязый паренек, подрастающий в Иллинойсе, «дом, расколовшийся надвое, не может стоять», вагон Президента, переправляемый с одной станции на другую в Балтиморе в тиши предутренних часов. Освобождение рабов, бунты против всеобщего призыва, Линкольн, идущий вдоль длинных рядов госпитальных коек с грубоватыми шуточками, скрывающими сердечную боль; сцена в Геттисберге, «мир не обратит особого внимания и не будет долго помнить»; горящие тюки хлопка в южных портах, братья, убивающие братьев в Битве в Дебрях, марш Шермана к морю; два солдата в Аппоматоксе. "Нет места злобе ни к кому", фатальный курс пули Бута, трагическая маска смерти, "когда во дворе перед домом цвела сирень". Насупленные каменные лица белых в легистратурах Юга, саквояжники, растерянные освобожденные рабы, террористы в южной ночи, трагическое наследие гражданского конфликта [7].

Макс Лернер так комментирует вариант истории, предстающий перед читателем подобного обзора: «Это история образа Америки, меморандум американской истории, составленный не из понятий сил, причин, событий, но образов, почерпнутых из национальной традиции. То, что он воспроизводит, это не «эры» и «факторы», но драматические моменты, кризисные ситуации, иногда — только стереотипные эпизоды и избитые лозунги. Она важна, исходя из предпосылки, что исторические воспоминания участвуют в формировании стиля народа в той же степени, в какой они формируют стиль отдельного человека» [8].

Эта идея истории, сложившаяся в массовом сознании, является основой национальной мифологии, актуализирующейся в довольно большом количестве современных исторических романов, особенно русском и белорусском, что связано со стремлением к национальной самоидентификации народов, долгое время входивших в состав огромного многонационального государства, где вопросы национальной идентификации были намеренно преданы забвению. Этот же феномен лежит в основе функционирования исторического романа в массовой литературе.

1. Коллингвуд Р. Идея истории. – М., 1980. – С. 13.
2. Там же. – С.204.
3. Там же. – С. 269.
4. Гегель. Сочинения. – М., 1958. Т.14. – С. 169 – 170.
5. Ковалев Ю.В. Историзм как художественный принцип в ранней американской романтической прозе// История и современность в зарубежных литературах.- Л., 1979. –С. 100.
6. Beck W.A., Clowers N.L. Understanding American History through Fiction.- N.Y., 1975.
7. Lerner M. America as a Civilization./Life and Thought in the U.S. Today/. – N.Y., 1987.-P.7.
8. Ibid.-P.8.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ